

Фрагмент из книги

Alexander Kluge
Das fünfte Buch.
Neue Lebensläufe. 402 Geschichten.

Suhrkamp Verlag, Berlin 2012
ISBN 978-3-518-42242-7

S. 7-22

Александр Клюге
Пятая книга. Новые жизнеописания.
402 истории

Перевела с немецкого Татьяна Баскакова

Предисловие

Шумы давно исчезнувшего мира, несокрушимость человеческих трудов и *love politics*, поток холода, незримые письма наших предков – таковы темы. А ПЯТОЙ КНИГОЙ этот сборник называется потому, что ведет диалог с четырьмя предыдущими сборниками моих рассказов. Как и в самой первой книге, которую я опубликовал в 1962 году, здесь собраны ЖИЗНЕОПИСАНИЯ. Истории эти отчасти придуманы, отчасти не придуманы.

Александр Ключе

Abb.: Von der letzten Flottenexpedition, die das Zeitalter der Aufklärung vor der Französischen Revolution aussandte, stammt diese Zeichnung eines inzwischen ausgestorbenen Riesenkänguruhs (vergleiche seitlich die Baumhöhe). Das ist ein Bild aus dem Reich der Antipoden zum Jahre 1789.

Man sieht das kluge Auge des Tiers, das doch für seine Nachkommenschaft nicht garantieren konnte. In der Bauchfalte das kostbare Versteck für das Frischgeborene, das mit dem Muttertier durch die Wüste hüpfte.

Рис.: От последней морской экспедиции, которую эпоха Просвещения успела осуществить до начала Французской революции, сохранилась эта зарисовка уже вымершего к нашему времени гигантского кенгуру (сравните с величиной изображенного рядом дерева). Картинка из Царства антиподов, каким оно было около 1789 года.

Мы видим глаз животного, в котором светится ум (как оказалось, не гарантирующий сохранность потомства). В складке на животе – замечательное укрытие для новорожденного, вместе с матерью-кенгуру скачущего по пустыне.

Идущие по жизненному пути и их жизненные истории

Когда моя бабушка с отцовской стороны, Хедвиг Клюге, в августе 1914 года получила известие, что ее первенец Отто пал на поле боя, первым ее побуждением было сразу же сесть на поезд, идущий в Бельгию, и позаботиться, чтобы умершего похоронили, как должно. Услышав, что для родителей погибших не предусмотрено никакого сообщения с линией фронта, она отчаянно разрыдалась.

Некий рабочий во Франкфурте-на-Майне всю жизнь проработал на одном и том же предприятии. В какой-то момент эта фабрика разорилась. Рабочий пришел на прием к врачу. У него были сильные боли в желудке, не только со времени закрытия фабрики. Женщина-врач прописала ему таблетки. Я отдавал дни собственной жизни, сказал рабочий, а взамен теперь получаю эти таблетки. Такое меня не устраивает.

В своем кабинете, в башне-небоскребе, сидел в августе 2011 года один из ОПЫТНЫХ УКРОТИТЕЛЕЙ КАПИТАЛА. Глаза его давно потеряли способность видеть что-либо, кроме экрана компьютера. Вдруг DAX¹ просигнализировал (на экране это выглядело как почти отвесное обрушение), что через четыре минуты потери составят четыре процентных пункта. Никакой теории, объясняющей такой процесс, у нашего практика наготове не было. Сейчас он бы охотно сделал что-то практическое – наколот грецких орехов, очистил яблоко, налил себе минералки: ему хотелось приобщиться хоть к какой-то реальной деятельности, вместо того чтобы просто пялиться на экран и ждать.

В 1800 году Генрих фон Клейст составил для себя ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПЛАН. Этот план он хотел скрепить каким-нибудь действием

¹ DAX (сокращ. от *Deutscher Aktienindex*, Немецкий индекс акций) – важнейший фондовый индекс Германии, отражающий суммарный доход по капиталу.

(расписаться под ним своей кровью; поклясться, что план будет исполнен, любимому человеку). Но на самом деле разные устремления в беспокойной душе Клейста лучеобразно разбегались от центра. Уже одна только попытка сконцентрироваться на линейном проекте сломила его. Он бросил учебу и почему-то оказался в Вюрцбурге².

Свежевыпавший снег на Этне быстро тает, прямо возле черной лавовой зоны: это было бы, говорит Том Тыквер³, хорошим начальным кадром для фильма с названием «Хищная лапа Природы», рассказывающем о жуткой потенциальной силе, которая дремлет в земной коре.

Д-р Зиги Маурер⁴ предлагает отправить те вредоносные, зараженные руины из Фокусимы, которые еще только предстоит разобрать, туда, где роковое землетрясение началось. Мол, именно в глубины МАРИАНСКОЙ ВПАДИНЫ нужно сбросить все эти ОТХОДЫ. А уж там пусть они себе охлаждаются до скончания веков.

Моим предкам из Зюдхарца⁵ даже не снилось, с какими чуждыми для них генами они будут совместно жить сегодня, в их потомке. Представители этой линии и понятия не имели, что позже она пересечется с линией моих предков из Ойленгебирге⁶. Эти предки из Ойленгебирге и Зюдхарца тем более не подозревали о том, что позже в их род вольются выходцы из Центральной Англии и марки Бранденбург. Все эти характеры, как кажется, объединить невозможно. И что такие антиподы не устраивают гражданскую войну в наших душах и телах, а в каждом биении пульса, в каждом ударе сердца – постоянно, минуту за минутой – приходят внутри нас к согласию, есть отражение благородной и толерантной, расширяющей человеческие права конституции, по которой живут эти поколения.

Не только люди могут иметь жизнеописание, но и, например, предметы

2 Сохранились письма, отправленные Клейстом из Вюрцбурга его невесте Вильгельмине фон Ценге в сентябре 1800 года.

3 Том Тыквер (род. 1965) – немецкий режиссер, сценарист, композитор.

4 Активистка австрийского молодежного движения.

5 Местность в земле Саксония-Анхальт (Германия).

6 Немецкое название местности *Góry Sowie* в силезских Судетах (ныне на территории Польши).

одежды, или определенная работа, или определенные привычки и ожидания. Для людей – когда снаружи царит кризис – жизнеописания становятся укрытием. Все жизнеописания, совместно, образуют незримые письма. Никогда они не живут в одиночку. Они существуют как группы, поколения, государства, сети. Они любят круглые пути и пути, выводящие наружу. Жизнеописания – это сочлененные существа.

I.

Муха в рюмке перно

Муха в рюмке перно

Она кажется неподвижной. Тем кончиком карандаша, где резинка, я вылавливаю ее из зеленой жидкости и кладу на плетенку. Предполагая, что она умерла. Но насекомое, через несколько секунд, начинает дергаться. Еще минута, и муха – такая недолговечная – скрывается с моих глаз. Она явно не утратила способность летать. И не показалась мне «пьяной». Упорное существо, снискавшее мое уважение... За время нашей недолгой встречи она прожила много лет (по своему календарю). Но если она оставит потомство, ее род переживет меня. Он существует уже 18 миллионов лет. Такие маленькие летуны, благодаря хорошей реакции на случайности нашего мира, имеют, можно сказать, вечную жизнь.

Цветы в городе

Мужчина: упакованное в джинсовый костюм тело, пронизанное здоровым током крови. С лицом, исполненным спокойствия, идет этот человек сквозь день. Нервозность ему чужда. И, прежде всего, он молод. Непокойна, напротив, молодая женщина, его спутница. Очевидно, она хочет что-то получить, что он пока не готов ей дать: уверенность в завтрашнем дне. Оба усаживаются на стулья итальянского садового ресторанчика. Весенний день.

Ее рубашка так скроена, что одно плечо всегда открыто. Мужчина, который любит во всем порядок – даже в вопросе, должна ли ситуация быть интимной и двусмысленной, или же свестись к обычному совместному завтраку на солнышке, – поправляет ей ткань, прикрывая обнажившееся плечо. Но рубашка – поскольку она так и задумана – тут же спадает с другого плеча, открывая теперь уже с той стороны зрелище соблазнительной наготы. Это приносит некоторое беспокойство.

Для молодой женщины, судя по всему, день выдался напряженный. На ее

лице сменяются шесть или восемь выражений, различающихся по силе воздействия; потом она вдруг зевает – и, вместе со своим предательским ртом, ищет спасения, прикивая к груди мужчины. Нахмуренный лоб, улыбка... Она комментирует разговор – которого, собственно, нет – оживленной мимикой. У мужчины же лицо ни разу не шелохнулось.

Если они целый день таким образом воркуют друг с другом, думает журналист Дуглас фон Пирмонт, наблюдающий за этой странной парой, то при внезапно открывшемся шансе на настоящую близость – например, когда вечером они окажутся одни – никакой энергии у них уже не останется. Что они тогда будут делать друг с другом? Если уже израсходовали ежедневную порцию волшебства на маленькие глоточки и судорожные попытки сближения (вот он опять поспешно целует ее губы)?

Мужчина своей широкой клешней хватается женщину за ухо, притягивает к себе, запускает пальцы в ее заушную ямочку – суверенно демонстрирует права собственника. Потом тербит затылок женщины, ухватив его сквозь копну длинных волос. Нравится ли ей это, по ее лицу не поймешь. На лице сменяются разные выражения, ее взгляд ищет его взгляд, потом – его губы. Фон Пирмонту кажется, что смена выражения лица в данном случае представляет собой знак паузы. Журналист подсчитал, как часто у нее меняется мимика: 19 раз в минуту. Но такую переменчивую мимическую игру допустимо, считает фон Пирмонт, принять и за *одно* выражение лица.

Мужчина теперь запускает руку в ее короткий сползший рукав, над которым опять красуется голое плечо. Она – возможно, чтобы он отвлекся – приближает губы к его рту. Наверное, для нее это способ вытряхнуть обременительную и щекочущую руку партнера из своего рукава... Ну вот поцелуй уже позади. И вся сцена позади. Минуту оба сидят пассивно, не зная, что делать дальше. Однако должно же быть какое-то продолжение, да и женщина еще явно не исчерпала репертуар. Такая игра – ее повседневное дело. Только, похоже, именно в этот полдень женщина слишком ленива, чтобы применить свой прием. Воображение буксует... Оба даже не обращают внимания на наблюдателя, хотя сознают, что за ними наблюдают.

Их юность, их здоровье, в двух этих людях с разными типами темперамента *разматывается с катушек, словно в едином автомате*. Они радуются, что живы, и, хоть и не готовы пожертвовать собой, жертвуют зато целым днем своей полнокровной жизни. Этот день они дарят друг другу, не

умея ответить на вопрос, в самом ли деле Другой хочет, чтобы так было.

Его рука (единственный нарушающий спокойствие фактор, связанный с *ним*) теперь сжимает ее руку, прикрывающую низ живота, но происходящее наполовину скрыто столом. Женщина обороняется, вцепляясь мужчине в волосы, обхватывая обеими руками его голову. Тогда он отказывается от своей атаки. Готовятся ли эти двое – спрашивает себя фон Пирмонт, который не решается сделать фотоснимок, но уже твердо решил, что напишет о них обоих в своем бульварном листке, – готовятся ли они к длительным отношениям, или же собираются провести вместе только один вечер и следующий день? Какие общие интересы могут у них быть?

Понять это невозможно. Как невозможно приписать светлому утру какую-то конкретную волю. Эти два человека – такая же часть природы, как день или луг, и они вовсе не плетут паутину любовного романа. С определенной точки зрения, записывает Пирмонт в блокноте, можно считать, что они – ЦВЕТЫ В ГОРОДЕ.

«У него бессердечные глаза существа сверх меры любимого»⁷

Я утешал свою лучшую подругу Гезину и только что вернулся домой. Теперь, по крайней мере, я уверен, что с собой она не покончит. Но ничто еще *не одолено*⁸. Я сам был свидетелем, как он ей нагрубил и ушел, хлопнув за собой дверь. Его специфическое понимание деликатности выражается в том, что он и сегодня живет у Гезины, потому что не хочет тратиться на гостиничный номер. Именно из ее квартиры отправляется он по своим делам – например, навестить новую возлюбленную, замужнюю женщину, ради которой и дал отставку Гезине.

Произнося слова утешения (чаще я просто молча обнимаю ее и помогаю добраться до постели), я стараюсь не подпитывать надежду, что он – каким-то чудом – опять к ней вернется. Я видел его взгляд. У Гезины нет ни малейшего шанса. Ни один человек во всем мире не добьется от него ничего, если сам он того не хочет. А он уже пресытился. Он по горло сыт привязанностью к нему

7 Цитата из книги «Факел в ухе» Элиаса Канетти.

8 Отсылка к знаменитой строке, которой кончается реквием Р.М. Рильке «По Вольфу графу фон Калькрейту»: «Не до побед. Все дело в одоленье» (перевод Б. Пастернака).

женщин и избалован их приношениями с самого детства.

Если быть точным, то не *глаза*, а *взгляд* документирует его беспощадность. Сами глаза кажутся скорее невыразительными, тусклыми. Взгляд же, именно из-за отсутствия в нем выражения, обретает то качество «негативности», которое потрясает. Для меня остается загадкой, чем мог привлечь Гезину этот избалованный юнец. Еще когда он посватался к ней, в первый же час (я при этом присутствовал, но, к несчастью, слишком рано отправился домой), он казался преисполненным сытости, а взгляд его был «как на переговорах». Поэтому я тогда твердо решил: «Игнорировать такое нельзя». Да только Гезина видела что-то другое. Она в его веснушчатом лице видела, как в зеркале, то, что чувствовала *сама*.

Я прежде думал, что матери, которые любят своих сыновей, закладывают в них росток нежности. И что плоды этой нежности достанутся тем, кто встретит таких мальчиков, когда они повзрослеют. На самом же деле в подобных случаях пышно расцветает самодовольное барство: в таких людях громко заявляют о себе те предки по мужской линии, которые привыкли только хватать и ни о чем не просить. Сыновья, которым не приходилось бороться за любовь матери – так мне теперь это видится, – выращивают в своем внутреннем мире настоящих монстров. Я не хочу обобщать, и все-таки обобщаю. Гнев на пригретого Гезиной *оккупанта* развязывает мне язык для итоговой максимы:

«У него бессердечные глаза /
существа сверх меры любимого».

Тайная история его счастья

После войны, когда он посмотрел фильмы с участием Кирка Дугласа, в которых шла речь о военных походах викингов, и услышал, что этот исполнитель главных ролей происходит из клана белорусских евреев, бывший обер-лейтенант Ферди Бахмюллер почувствовал, что как бы получил подтверждение правильности своих прошлых поступков. Дело в том, что когда-то он – хотя и не имел таких полномочий – выделил из группы евреев, согнанных вместе вблизи от места расположения его батальона, одного

человека с пронзительно-голубыми глазами. Человека этого он снабдил необходимыми документами и отправил в качестве «добровольца вспомогательной службы» (*хиви*)⁹ в кухонный обоз своей воинской части. Когда началось отступление, этот человек в какой-то из дней сбежал и бесследно исчез.

Бахмюллер просто поддался мгновенному порыву, когда отобрал этого человека у некомпетентных охранников. Впрочем, он был настолько пропитан расистской пропагандой, что так называемые «сильные» голубые глаза (которые сам он знал только по открыткам, книжным иллюстрациям и фильмам) и «боевая», то есть с выпяченной грудью, «германская» осанка показались ему невесть какой ценностью (хоть лично он и не занимался генетикой будущих поколений). Будь он женщиной, взгляд таких глаз привел бы его в восторг. Но он соблюдал должную дистанцию по отношению к спасенному великану, хоть его и тянуло к нему.

Что он позже, поблизости от Ильцена¹⁰, без боя попал в плен к британцам, а уже через две недели, с законными документами об освобождении, добрался до дому, да и вообще что во все эти годы наступления и отступлений, в многочисленные моменты опасности, его всегда спасала, словно фея, воображаемая пара голубых глаз, – в этом обер-лейтенант нисколько не сомневался, даже когда *хиви*, чувствуя, что счастье германской державе изменило, решил пуститься в бега «и скрылся в ближайших кустах»¹¹, как говорил, вспоминая о нем, Бахмюллер. Вообще, обер-лейтенанта очень занимала «загадочная» натура найденного им человека. «Лоб у него таинственный, нос необыкновенно красивый, а рот, хотя слишком плотно сжат и хотя уголки губ порой вздрагивают, всегда остается достаточно привлекательным». Бахмюллер стал часто наведываться в обоз с ревизией, хотя до того момента, как отправил туда чужака, делал это от случая к случаю и без особой охоты: две полевые кухни и конные повозки, груженные продовольствием, напоминали ему цыганский табор. Обер-лейтенант

9 *Хиви* (сокращение от нем. *Hilfswilliger*, «желающий помочь») – так назывались «добровольные помощники» вермахта, набравшиеся из местного населения на оккупированных территориях СССР и из советских военнопленных. Первоначально они служили во вспомогательных частях водителями, санитарями, саперами, поварами и т. д. Позже *хиви* стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях и к карательным акциям.

10 Город в Германии (земля Нижняя Саксония).

11 Цитата из стихотворения И.Г. Зойме (1763-1810) «Дикарь», относящаяся к благородному индейцу-гурону.

появлялся здесь, только чтобы незаметно взглянуть на молодого светловолосого хиви. Воспользовавшись самовольно заявленным, *присвоенным* правом отдавать распоряжения, которое не выдержало бы никакой проверки, Бахмюллер фактически *выкупил* этого человека (если учитывать тогдашнее соотношение сил, то можно сказать, что за тридцать серебряных талеров) – хотя, конечно, там не было никаких монет, которые кто-то мог бы получить в руки, и ни о какой взаимовыгодной сделке речь не шла. Бестолковые охранники из СС, уступив своего пленника солдатам, не получили взамен практически ничего, кроме возможности свободно двигаться дальше.

Когда счастливчик Бахмюллер, после 1949 года без каких-либо осложнений открывший фабрику лейкопластыря, смотрел фильм СПАРТАК¹² – а происходило это ровно двенадцать раз, – он, как ему казалось, чувствовал, что в мире за истекшие годы успели расплодиться потомки «его» белоруса. Может, они живут в Австралии или в США. Не исключено, что кто-то из сыновей спасенного стал наемным солдатом или судовладельцем в Конго... Так Бахмюллер при просмотрах этого фильма каждый раз мысленно видел кусочек «большого мира», впитывал впечатления, которые ему не довелось испытать ни в одном из захватнических походов вермахта. Он был королем великих романских эпопей, потому что в каком-то смысле ощущал свою связь с этими голубыми глазами (напоминающими о жестокосердии, власти и неверности). Связь с этим пленным евреем оказалась более прочной, чем можно было предполагать, потому что без содействия обер-лейтенанта пленник никогда бы не стал прародителем череды поколений. Таким образом (при всех ее отличиях от однополой любви, в то время запретной) обозначилась, можно сказать, *виртуальная эротическая связь* – для Бахмюллера и пугающая, и вместе с тем приносящая удовлетворение; она была лучше, чем любая известная ему осуществившаяся половая связь, которая в данном случае, как он себе говорил, неизбежно навлекла бы на него угрозу сурового наказания. Речь здесь не шла о телесном контакте, все дело было в духовном наслаждении, вызванном первым порывом Бахмюллера (и впечатлением от голубых глаз пленного); это было нечто непреходящее, именно потому, что относилось к сфере духа. И ведь я готов подтвердить под

12 Фильм был снят режиссером Стэнли Кубриком в 1960 году.

присягой, так говорил Бахмюллер, что принял тогда решение совершенно спонтанно, а вовсе не из соображений нравственности.

Он клялся себе самому – когда сидел в кинотеатре и смотрел фильм СПАРТАК, мысленно ставя на место Кирка Дугласа образ когда-то спасенного им белоруса, – клялся священной клятвой, что больше никогда не поверит никаким современным пророкам, что никто не услышит тайную историю его счастья и что он хочет жить и умереть, надеясь на божественную помощь, всегда даруемую в награду за мужество: когда человек повинуется голосу сердца (хоть и полного предрассудков, но все же порой способного на неожиданные прозрения).

Две мечтательницы устраивают кавардак в конце рабочей недели

Следователи группы, занимающейся случаями похищения людей и ответственной за район Рейна и Майна, вплоть до Висбадена, уже готовились совместно отметить вечер пятницы. И тут их подняли по тревоге. В городской клинике Франкфурт-Хёхст украли новорожденного. Дескать, некая Франци Ф., переодевшись медицинской сестрой, забрала у родильницы Ц. ребенка, который (согласно желанию матери) позже должен был получить имя Зинат¹³. Под тем предлогом, что новорожденный должен пройти обследование, Франци Ф. взяла ребенка на руки, вышла с ним из палаты и больше не вернулась. Это случилось всего через несколько часов после завершения родов. Показания родильницы сбивчивые.

Следователи сразу организовали поиски в окрестностях клиники – с помощью вертолетов, вызванных из Висбадена-Эрбенхайма. Там имеются маленькие лесные участки. Полицейские надеялись обнаружить какие-то указания на маршрут побега. Они обозначили на карте возможные пути движения женщины с младенцем – от клиники в направлении города или к лесному массиву. Хоть какая-то цель у преступницы должна была быть...

Но эта молодая женщина разочаровала всех: и посторонних для нее людей, и даже человека, с которым жила. Она хоть и обладала агрессивной преступной волей, но удача обошла ее стороной.

13 Мусульманское женское имя; означает «красавица», «украшение».

После искусственного оплодотворения у 28-летней Франци Ф. случился выкидыш, а потом она обманула свою спутницу жизни, притворившись, что снова забеременела. Обе женщины очень хотели, чтобы венцом их близости стал совместно воспитываемый ребенок. Жили они в одном из пригородов Франкфурта-на-Майне...

Сгустились сумерки. Геликоптеры сильными прожекторами светили вниз, высвечивая отдельные точки. По радио уже прозвучали – и были напечатаны в вечерней прессе – призывы к гражданам: чтобы они проявили бдительность.

Потом, около 21 часа, пришло долгожданное сообщение. Соседи двух живущих вместе подруг заподозрили что-то неладное. Каким образом в квартиру этой пары вдруг попал маленький ребенок? В кухню и одну из комнат можно было заглянуть с улицы. Соседи сделали это, после чего сообщили о своих наблюдениях в полицию.

Преступница – рассказал около полуночи один из следователей своим приятелям, сидевшим с ним за столом в Заксенхаузене¹⁴ (из-за публикаций в газетах это дело уже перестало быть служебной тайной) – хотела любой ценой представить себя в глазах партнерши победительницей. Она, сияя, вошла в дом и показала подруге крошечное живое существо (которое пока не знало, что получит имя Зинат, но к чьей ножке уже была привязана опознавательная табличка с этим именем и каким-то числом). Сказала, что она, дескать, только что из клиники. Придумала целую авантюрную историю: что схватки начались у нее в метро и она еле-еле успела добраться до родильного отделения. – И что же, врачи сразу после родов отпустили мать и ребенка? – Подруга Франци, хоть и задавала вопросы, была слишком возбуждена, чтобы спокойно дожидаться ответа. В какие-то моменты ее, казалось, раздражали слова подруги.

Предъявят ли ей обвинение как сообщнице? – спросил репортер местной газеты. – Сперва придется доказать, ответил опытный следователь, что она знала о готовящемся преступлении. – А разве это не очевидно? – Вы, сказал следователь, недооцениваете *кавардак*, возникающий при таких ситуациях. Партнерство двух этих женщин, заметил он, вообще имеет мало общего с реализмом. – *Две мечтательницы?* – Мечтательницы, да, для которых все

14 Район Франкфурта-на-Майне.

сводится к их личным отношениям.

Фройляйн Клэрли

Объявление от 30 апреля 1945 года в «Новой цюрихской газете»:

«Я разыскиваю ту лыжницу в голубой лыжной блузе, которая в пасхальную субботу выехала с подружкой поездом 16.18 из Кюблиса в Давос-Дорф и с которой я в пасхальный понедельник снова встретился – и поговорил – на вершине горы Вайсфлюйох.

Я: тот лыжник в серых лыжных штанах и серой ветровке, который в пасхальную субботу сидел в поезде наискосок от Вас.

К сожалению, все попытки найти Ваш адрес оказались напрасными, так что для меня остался только этот путь. Я поэтому покорнейше прошу Вас отправить Ваш адрес – под кодовым номером V 6696 – в Отдел объявлений „Новой цюрихской газеты“».

Написавший объявление человек, который таким образом заявил о своем интересе к молодой швейцарке, оказался бонвиваном из Фландрии. До сватовства дело так и не дошло, а только – в день знакомства – до поспешного соития. После чего любовник, прежде выказывавший такое нетерпение, улизнул во Францию; он решил, что там, в условиях послевоенного восстановления хозяйства, найдет достойное применение своим силам. Подавая объявление, он в самом деле думал, что вся его жизнь зависит от этой судьбоносной встречи на железной дороге. Он обладал живым воображением, а себя знал плохо. Да и в Швейцарии чувствовал себя не слишком уютно. Что касается молодой женщины, которую адвокат беглого папаши после оскорбительно назвал «контактной миной», то она родила сына. Она защищала свое незаконное дитя. Без жалоб, без мужа и в постоянной нужде растила ребенка и помогала ему продвигаться по жизни. Этот сын позже основал в Цюрихе брачное агентство *Matrimonia & Co.* У него родились две дочери и сын, которые – все трое, поскольку держались друг за друга, – учились в Принстоне и потом, переехав в Нью-Йорк, нашли работу в финансовой сфере. Их дети стали поп-музыкантами; они тоже держались друг за друга. Они, как и подобает *американским швейцарцам*, постоянно мотались с континента на континент и совместно противостояли потугам родителей,

желавших сделать из них ПРИЛИЧНО ЗАРАБАТЫВАЮЩИХ ЛЮДЕЙ. Этому требованию они упрямо противились. Однажды СТАРУШКА КЛЭРЛИ, восьмидесяти пяти лет, жившая все в той же, очень скромной, цюрихской квартире, пригласила свое потомство в Цюрих, в отель *Baur au Lac*¹⁵. Она никогда не обращалась с просьбами к своим внукам и правнукам, хотя, как-никак, все они произошли от нее, и ничего от них не получала в качестве благодарности или подарка. Зато теперь она произнесла застольную речь. Сказала, что давно простила тому давнишнему притворщику и лжецу, пылкому подателю объявлений, который так упорно искал ее и так быстро потом оставил; который *послужил первопричиной* существования всех здесь собравшихся и их близких. Более того: она чувствует благодарность к этому изменщику, этому пустозвону, когда смотрит на своих порядочных, обладающих столь многообразными интересами внуков и правнуков. «Нельзя и помыслить, что такой успех был бы возможен, не случись прежде преступления», – сказал Макс Фриш. Так и ее *неверный обожатель*, хоть и поступил подло, в конечном счете сделал добро, продолжала она, – но только благодаря качеству, над которым сам он не властен: благодаря упорству, с которым меня искал. Если бы она могла выбирать, сказала фройляйн Клэрли – уже под аплодисменты, – она бы опять выбрала эти глаза и все остальное, ЭТОГО МУЖЧИНУ В ЦЕЛОМ. Мужчины, пояснила она, все как один лгуны. Однако без энергии, которая поддерживает на плаву их лживые измышления, прогресс был бы невозможен.

Короткая заметка об этом семейном празднике появилась в «Новой цюрихской газете», потому что началом всему послужило давнее объявление в их газете, существующей уже более двухсот лет. Эта заметка, в свою очередь, побудила потомка того молодого бельгийца, который 30 апреля 1945 года поместил в газету объявление, сделать к заметке приписку. В результате они познакомились между собой, хоть и с большим запозданием, – все эти полукузены, полукузины, сводные братья и сестры; правда, на них не произвела особого впечатления эта «случайная встреча», как они выразились. Тут явно не хватало *ошибки или иллюзии*, под влиянием которых случайности только и начинают выделять странные кульбиты.

15 Роскошный отель в центре Цюриха, на берегу озера.